

24. *Аничков, Д. С.* Теоретическая и практическая арифметика в пользу и употребление юношества собранная из разных авторов / *Д.С. Аничков.* – М., 1764.
25. *Курганов, Н.Г.* Арифметика или числовик / *Н.Г. Курганов.* – Ч. 1. – СПб., 1791.
26. *Фусс, Н.И.* Начальные основания чистой математики Ч. II. Начальные основания геометрии / *Н. И. Фусс.* – СПб., 1823.
27. *Euler, L.* Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique & de philosophie / *L. Euler.* – V.3. – Saint Petersburg, 1768.
28. *Euler, L.* Letters of Euler to a German princess, on different subjects in physics and philosophy. Translated from the French by Henry Hunter with original notes, and a glossary of foreign and scientific terms. V. II. – London, 1795.
29. *Euler, L.* Letters of Euler on different subjects in natural philosophy addressed to a German princess. V.II. – New York, 1833.
30. *Эйлер, Л.* Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях / *Л. Эйлер.* – СПб., 2002. (Серия «Классики науки»).
31. Словарь Академии Российской. – Ч. III. 3-М. – СПб., 1792.
32. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. А-З. – СПб. – М., 1880.
33. Энциклопедия военных и морских наук. – Т. III. – СПб., 1888.
34. Настольный энциклопедический словарь. – Т. III. Грация–Кальдерон. – М., 1895.
35. *Neumann, J.* Beschreiburg der bekanntesten Kupfermunzen / *J. Neumann.* – V.1. – Prag, 1858.
36. *Whitworth J.* A Paper on an Uniform System of Screw Threads. 1841 // https://en.wikisource.org/wiki/Miscellaneous_Papers_on_Mechanical_Subjects/A_Paper_on_an_Uniform_System_of_Screw_Threads
37. *Whitworth, J.* Standard decimal measures of length / *J. Whitworth.* – Manchester, 1857. – https://en.wikisource.org/wiki/Miscellaneous_Papers_on_Mechanical_Subjects/A_Paper_on_Standard_Decimal_Measures_of_Length
38. *Gyllenbok, J.* Encyclopaedia of Historical Metrology, Weights, and Measures / *J. Gyllenbok.* – V. 3. – Cham : Birkhäuser, [2018].
39. *Смирнов, В. П.* Описание русских медалей / *В. П. Смирнов.* – СПб., 1908.
40. *Гогель.* О артиллерийском металле / *Гогель* // Артиллерийский журнал. – 1811. – № 3.

Sintchouk I. I. Inch, Line and Point in the Russian Empire XVIII – XIX centuries

The article is devoted to the history of Russian metrology in the 18th – 19th centuries. In the Russian Empire, two systems of length units were legalized. In the Russian Empire, the inch and its sub-multiples represent a group of specialized use length units. The Russian metrological practice has included the English artillery inch with "decimal" values of the inch as fractions with an accuracy of three decimal places. The advantages of the decimal system were realized in complex calculations. However, the fraction of an inch line could take values not only in 1/10, but also in 1/8 and 1/12 of an inch, which requires attention when working with sources that use fractions of an inch.

УДК 930.2:572

Сурта Е. Н.

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕДИЕВИСТИКЕ

В статье рассматриваются различные аспекты социально-исторической антропологии как одного из активно развивающихся в медиэвистике трансдисциплинарных направлений исторического исследования, а также основные актуальные подходы и проблемные области, тематизирующие и реконструирующие Средневековье как «антропологическую модель».

Ключевые слова: *социально-историческая антропология, медиэвистика, методы исторического исследования, «conditio humana».*

Парадигма исторического исследования на современном этапе характеризуется многообразием подходов и методов, используемых для изучения, понимания и анализа исторического процесса. В рамках этой парадигмы социально-историческая антропология является одним из активно развивающихся в последние десятилетия трансдисциплинарных направлений исторического исследования, фокусирующим своё внимание на базовых феноменах человеческого существования в их исторической изменчивости и использующем в своём научном инструментарии социологические и культурологические элементы, а также тематические области и методологические принципы истории повседневности, микроистории, этнологии, фольклористики, исторической генеалогии, религио- и литературоведения, гендерных исследований и др.

Социально-историческая антропология, ориентируясь на то, что представляет собой человек по своей сути, в своей жизни, в своих социальных связях, трактует историю как историческую практику, в центре которой находится многообразие и изменчивость эмпирического контекста и образа жизни людей определённой эпохи, как повседневную реальность, сформированную, реализуемую, изменяемую и разрушаемую соответствующими субъектами исторического процесса.

В контексте дискурса о том, представляет ли социально-историческая антропология системную самостоятельную область исторической науки наряду с политической и социальной историей, историей экономики и культуры, она скорее понимается как новый подход, новый взгляд на исторический процесс, чем новая предметная область [1]. Занимаясь реконструкцией социальных реалий прошлого, исходя в том числе и из реликтов, исследуемых археологическими и естественнонаучными средствами, историческая антропология пытается понять исторические формы жизни в их соответствующей окружающей среде, в их экологических, экономических и социальных условиях, она изучает формы поведения, мышления и социальной практики, пересекаясь с историей повседневности, менталитета и социальной истории. Характерным является то, что историческая антропология не только обращается к элементарным антропологическим диспозициям социальной экзистенции, таким, например, как рождение, детство, старость, смерть, тело, сексуальность, родство, семья и т. д., но и рассматривает их в их исторической изменчивости, которая может и не совпадать с макроэкономическими процессам и изменениям, в частности институционального характера [2, с. 31].

В рамках такого концепта не только взаимоотношения полов или история религии, но и политические, социальные, экономические или культурные феномены рассматриваются с точки зрения историко-антропологической перспективы. При этом в отличие от традиционной политической и социальной истории социально-историческая антропология ориентируется не на реконструкцию событий, процессов или структур, а на формы и условия, при которых политические, социальные и экономические процессы состоялись. В центре научного интереса преимущественно находятся как отдельные личности, так и базовые элементы общества, такие, как семья, сельская или городская община, корпорация и т. д., а также формы их коммуникации и взаимодействия. Это позволяет сделать предметом исторического рассмотрения, например, такие темы, как религиозность и мировоззрение, страдание и болезнь, брак и семья, дружба и соседство, насилие и смерть и др., которые долгое время, считаясь антропологическими константами, оставались за рамками классических исторических исследований, однако в действительности также были подвержены изменениям, как и политические конструкции или социальный порядок. Ориентация на анализ мелких, частных взаимосвязей реальной действительности сделала приоритетным изучение индивидуального опыта, а не глобальных структур, что позволило соединить индивидуальную историческую повседневность и общую историческую хронологию, структуру и действие, общество и индивидуум.

В методическом плане на социально-историческую антропологию, с одной стороны, повлияла история культуры, занимающаяся моделями интерпретации и восприятия и придающая самостоятельное значение текстологическому и семиотическому толкованию исторического предания [1]. С другой стороны, она оказалась под воздействием методов этнологии и социальной антропологии, к исследовательскому фокусу которой с 20-х гг. XX в. относилась реконструкция микрокосма, микромира, что позволяло изучить индивидуальный эмпирический опыт [1].

Исследования, опирающиеся на методы социально-исторической антропологии, ориентированы на освещение социально-культурной эволюции и стремятся к изучению человека во всех его измерениях, к изучению его образа жизни, менталитета, норм поведения. Согласно принципу культурно-антропологического подхода, к числу исторически значимых факторов относятся не только «события» из сферы политической и экономической жизни, но и явления и процессы социально-психологического, культурного и ментального характера, особенности мировосприятия. Важным является то, что историческая антропология осуществляет связь между обычно сепаратно воспринимаемыми феноменами и анализирует взаимосвязь между природно-биологическими, социальными и культурными детерминантами исторического действия.

Интерес к развитию антропологических данностей на протяжении длительных временных периодов, а также к взаимосвязи различных аспектов человеческой экзистенции в социальных группах и коллективах привёл к предпочтению, с одной стороны, структурно-исторических, а с другой – микроисторических типов исследования [2, с. 23]. Объединяя в междисциплинарном дискурсе историографические, культурно-антропологические, этнологические методы и подходы, социально-историческая антропология позволяет поставить в центр своего анализа конкретного человека с его поступками и мыслями, чувствами и страданиями.

При этом парадигма социально-исторической антропологии не сводится к чётко установленному спектру методов, однако тем не менее она является историческим исследованием, для которого более характерны дифференцированная детализация и многообразие подходов, чем аналитическая последовательность феноменов. Это является результатом акцентуации на отдельном человеке как субъекте исторического процесса. На этой основе социально-историческая антропология включила в свою программу также и микроисторию, концентрирующуюся на изучении малых, ограниченных пространств с целью максимально полного и целостного охвата социальных связей, их различий и противоречий, стремясь рассматривать структуры и долгосрочные процессы развития с позиции участников исторического процесса [3]. Микроисторические исследования, проведённые на основе средневекового материала источников и особенно на источниках эпохи раннего нового времени, рассматривали отдельных людей или небольшие социальные коллективы в течение обозримых временных периодов и при этом в зависимости от плотности материала создавали «точечные тотальные истории», у которых фрагментация большого исторического контекста компенсируется большой остротой деталей и аналитической глубиной. Эти исследования следует понимать как реконструкцию форм «прожитой жизни», ускользающей от макроисторического восприятия [2, с. 28]. Социально-антропологические аспекты нацелены на выявление не-очевидного, более или менее устойчивого свода правил и принципов, лежащих в основе исторических феноменов, действий и форм поведения. Они являются относительно постоянными и медленно изменяющимися, «не видимыми предпосылками видимого поведения» в различных сферах человеческой жизни, в социальной практике и ментальных конфигурациях как условиях исторического действия [2, с. 23–24].

Ориентируясь на «*conditiohumana*», то есть на условия человеческого существования, социально-историческая антропология позволяет рассматривать очень

широкий спектр проявлений социальной практики, глубже, что называется изнутри, понять и объективно в «трёх измерениях» оценить исторически отдалённые от современности общества и отдельного формирующего такое общество субъекта исторического процесса.

Поэтому в исследовательской практике историко-антропологический подход и его методологическая парадигма прежде всего применялся и применяется в исследованиях доиндустриального, досовременного общества, т. е. Античности, Средневековья, раннего нового времени, позволив открыть целый ряд новых тематических полей или в результате иной постановки вопросов по-новому подойти к традиционным проблемным областям. В частности, в медиевистике и истории раннего нового времени традиционная история религии и церковных институтов была дополнена историей благочестия и религиозного опыта, а тема магии, ведовства и особенно охоты на ведьм благодаря социально-исторической антропологии приобрела новую акцентуацию исследовательского интереса на пострадавших женщинах [3].

Кроме того, история тела и сексуальности в эпоху Средневековья также являются проблемными областями, активно изучаемыми социально-исторической антропологией. Тема телесного играет центральную роль в вопросах развития и изменения базовых форм поведения в обществе. Тело, как «предмет антропологического рассмотрения», в последние годы всё сильнее выдвигалось в центр внимания и понималось не только как биологическая данность, а как сложный социокультурный символ, находящийся в точке пересечения различных социальных ценностных систем (движение, жестикуляция, одежда, питание, сексуальность, эротика, восприятие и т. д.), во всём многообразии его исторических восприятий [2, с. 64]. И в особенности гендерная проблематика, рассматриваемая как история взаимодействия мужского и женского опыта в социально-экономических, культурно-мировоззренческих и политических процессах конкретного типа общества, в медиевистике позволила с иных позиции оценить имеющиеся исторические источники и обнаружить новые. Эпохальные границы в гендерных исследованиях были поставлены под сомнение, а изучение мужской и женской средневековой эмпирики вскрыло «иллюзию современности» о тотальной несхожести Средневековья (FeliceLifshitz) [4].

Согласно принципу, заложенному ещё французской «школой Анналов», в частности для британской медиевистики второй половины XX в. также характерен переход от «истории государства», то есть политической истории, к «истории общества» («culturalhistory») (MatthewInnes) [4]. Для Италии в настоящее время характерны исследования культуры, языка источников, а также истории городов в период Высокого средневековья, в рамках которых обращается особое внимание на полезность социально-исторической антропологии в контексте сравнения между современным образом человека и средневековым «homochristianus» на фоне «дегуманизирующих форм современности» (MassimoOldoni).

Социально-антропологический инструментарий, исходящий не из аффирмативного, а комментирующего подхода, позволяет также проводить сравнительно-исторические исследования в области средневековых ценностных представлений в Европе, ориентируясь на концепт универсальной истории как параллельного существования многих историй (MichaelBorgolte) [4]. В результате исследований средневековых рукописей (начиная ещё с XIX в.) с 60-х гг. XX в. всё больше внимания уделялось социально-историческим вопросам развития интеллектуальных центров в Европе, которые с XIII в. генерировали новые формы письменной культуры, языка и символизма (MarcoMostert) [4], а также смешанной «бесписьменно-письменной» культуры, первичной и вторичной устности, взаимодействия между акустическим и визуальным восприятием мирян и клириков, особенно в монастырской среде (DennisH. Green) [4].

Исследование особенностей коммуникации в Средневековье, в частности на исходе эпохи, в связи с позитивно воспринятым средневековым обществом изобретением книгопечатания, явившегося для того времени «ключевой технологией» «медийной трансформации», сопоставимой по значению с современными информационными носителями (ErnstBremer) [4], позволяет выявить независимые от исторической эпохи модели восприятия, связанные со средствами массовой информации, функциональное предназначение которых в свою очередь является следствием взаимодействия с реципиентами информации. Таким образом, в целом, также в теории коммуникации и истории средств массовой информации культурно-антропологический подход в настоящее время оказался более актуальным, чем технико-исторический.

Для Раннего средневековья в рамках культурно-антропологического дискурса актуальна проблема соотношения в варварско-германском мире названия народов, их самовосприятия и этнокультурного единства (WahlterPohl) [4].

Тема средневековой обрядности и ритуала опирается на междисциплинарный принцип и этнологические подходы и пытается перейти от чистых наблюдений к интерпретации средневековых символических значений. В социально-антропологических исследованиях по данной проблематике, касающихся Раннего и Высокого средневековья, на первый план выходят, в частности, вопросы, связанные с политическими ритуалами, для Позднего средневековья особый интерес представляют также городские и придворные обряды и традиции (FrankRexroth) [4].

Ещё одной сферой историко-антропологического интердисциплинарного интереса является проблема маргиналов и чужаков, их социального статуса и восприятие средневековым обществом. Несмотря на своё заметное значение, маргиналы редко упоминаются в письменных средневековых источниках, поэтому значительная часть их культуры, например, шпильманов, не поддаётся реконструкции (ErnstSchubert) [4].

Также в рамках изучения истории менталитета предметом рассмотрения медиевистической историографии стали эмоциональные парадигмы (Barbara H. Rosenwein) [4], включающие различные аспекты религиозности. При этом важным является уход от старого концепта восприятия эмоционального мира средневекового человека как иррационально-детского и применение нового подхода, опирающегося на англо-саксонскую историю права и современную историю эмоциональности, и считающего эмоции и чувства неотъемлемой частью рациональных действий. Психологический аспект, которым долгое время в медиевистике пренебрегали, становится важным элементом нового концепта (BarbaraH. Rosenwein) [4].

Даже в такой известной, как считалось, хорошо исследованной и интернационально признанной области как монашество, возникает вопрос о написании его новой истории с учётом нового междисциплинарного подхода на основе разнообразных источников, с выдвиганием на первый план не правил, предписаний и идеалов, а изучение реальной практики и многообразия возможных форм жизни, выходящих за национальные и эпохально-временные границы (Anne-MarieHelvétius) [4].

Таким образом, концепт социально-антропологических исследований, уходящий от «событийной истории», позволяет подойти к изучению средневекового общества на различных уровнях и с различных точек зрения – социальной, психологической, моральной, религиозной, эстетической, политической, экономической и культурной. Однако при этом он не лишён и определённых недостатков. В частности, принцип социально-исторической антропологии, акцентируясь на определённой субъективности в истории, уводя от глобальных теоретических схем, создаёт свои специфические проблемы для исторического исследования, связанного данной парадигмой. В первую очередь это неясность или отсутствие чёткой взаимосвязи исследований на микро- и макроуровне. Существует определённая проблема интеграции результатов исследований исторической антропологии в более общую последовательную картину

эволюции социально-политических и экономических процессов в эпоху Средневековья или раннего нового времени, то есть включение деталей целого в понимание формы целого, иными словами, необходима результативная интеграция микро- и макро-перспектив [3]. Поэтому, концентрируясь на человеке как субъекте исторического процесса, его связях и взаимодействиях, не следует упускать из виду общие глобальные процессы развития и изменения. Ориентируясь на (ограниченный) горизонт восприятия, переживаний и эмпирической практики субъектов исторического процесса, социально-историческая антропология не должна создавать преимущественно статичное и в целом лишённое историчности понимание истории [3]. Кроме того, используемые в рамках микроистории источники, письменные или визуальные предания серийного типа, даже характеризующиеся высокой степенью отражения действительности (например, завещания) или имеющие большое социальное значение (например, мифы), а также иные близкие по характеру к этнографическим источники, не обеспечивают непосредственного доступа к прошлой жизни, мыслям и чувствам людей средневековой эпохи. Также на них нередко лежит отпечаток интерпретаций и заданных смыслов, стереотипов восприятия, понимания и толкования [2, с. 29].

Таким образом, социально-антропологический концепт и его методологические подходы чётко демонстрируют проблемы, стоящие перед медиевистикой, важность междисциплинарного диалога, новых методологических моделей, необходимость применения культурно-антропологического принципа параллельно с традиционным политико-экономическим концептом гуманитарного знания для не только более глубокого, объективного и всестороннего, «трёхмерного», изучения и понимания средневековой эпохи, но и для демонстрации современному обществу важности и актуальности средневековой тематики с целью привлечения и усиления его интереса к медиевистике.

1. Historische Anthropologie. Kulturgeschichte. Womit beschäftigt sich die Historische Anthropologie? [Электронный ресурс] // Historische Anthropologie. Kulturgeschichte. Womit beschäftigt sich die Historische Anthropologie? – Режим доступа : http://www.lwg.uni-hannover.de/wiki/Historische_Anthropologie/Kulturgeschichte. – Дата доступа : 10.09.2019.

2. *Kiening, Ch.* Anthropologische Zugänge zur mittelalterlichen Literatur: Konzepte, Einsätze, Perspektiven [Электронный ресурс] / *Ch. Kiening* // Anthropologische Zugänge zur mittelalterlichen Literatur: Konzepte, Einsätze, Perspektiven. – Режим доступа :

https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/92464/1/KIENING_Anthropologische_Zugänge_zur_mittelalterlichen_Literatur_1996_neu.pdf. – Дата доступа : 12.09.2019. 129 S.

3. *Schlögl, R.* Historische Anthropologie. Universität Konstanz [Электронный ресурс] / *R. Schlögl* // Historische Anthropologie. Universität Konstanz. – Режим доступа : http://www.unikonstanz.de/FuF/Philo/Geschichte/Tutorium/Themenkomplexe/Grundlagen/Forschungsrichtungen/Historische_Anthropologie/historische_anthropologie.html. – Дата доступа : 10.09.2019.

4. Stand und Perspektiven der internationalen und interdisziplinären Mittelalterforschung [Электронный ресурс] // Stand und Perspektiven der internationalen und interdisziplinären Mittelalterforschung. – Режим доступа : https://kw.uni-paderborn.de/fileadmin/ieman/Tagungen/2001-08_Bericht.pdf. – Дата доступа : 10.09.2019.

Surta E. N. Concept of socio-historical anthropology as a method of historical research in the medieval studies

The article presents the different aspects of the socio-historical anthropology as one of the transdisciplinary lines of historical research that is actively developing in medieval studies, as well as the main relevant approaches and problem areas that thematize and reconstruct the middle Ages as “an anthropological model”.

Key words: *socio-historical anthropology; medieval studies; historical research methods; «conditio humana».*